

Сборник документов. Т. 2 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001. С. 388.

⁹ Там же. Т. 1. Ч. 2 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001. С. 879, 901.

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 351.

¹¹ ОР РГБ, ф. 165, карт. 1, д. 14, л. 49 об.

¹² «Совершенно секретно»... Т. 4. Ч. 2 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001. С. 773, 721.

¹³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 745, л. 66, 68–69.

¹⁴ Там же, д. 858, л. 41; д. 859, л. 38.

¹⁵ Там же, д. 950, л. 31, 38, 40.

¹⁶ Там же, д. 1013, л. 4 об.

¹⁷ ОР РГБ, ф. 165, карт. 1, д. 14, л. 60 об.

¹⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 1013, л. 63; д. 1032, л. 138.

¹⁹ Там же, д. 1025, л. 33; д. 1027, л. 172–172 об.

²⁰ Там же, д. 1032, л. 25 об.

²¹ Там же, д. 1030, л. 17 об., 40.

²² См.: Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.

²³ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть... С. 516, 681.

²⁴ «Совершенно секретно»... Т. 6 / Сост. Н.Е. Быстрова и др. М., 2002. С. 96, 154–155.

²⁵ Чудак. 1929. № 6. С. 4.

²⁶ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 181.

²⁷ Чудак. 1928. № 1. С. 1.

Николай Смирнов

Постигая российские революции*

Nikolay Smirnov

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

Comprehending the Russian revolutions

DOI: 10.31857/S2949124X23050206, EDN: OLEHVK

Благодаря ряду фундаментальных трудов¹ В.П. Булдаков известен отечественным и зарубежным учёным как один из крупнейших современных историков российского революционного процесса. Его наблюдения и выводы вызывали и вызывают страстные споры среди профессионалов. Однако сложно представить серьёзную работу о России 1917–1922 гг., в которой не учитывалась бы концепция автора «Красной смуты».

Яркому полемисту Булдакову всегда было тесновато в рамках как советской, так и постсоветской историографии. С благодарностью вспоминая школу академика И.И. Минца, он тем не менее никогда и ни на кого не желал походить. Его творческий

почерк неизменно отличается редкой по широте эрудицией, глубоким знанием русской и зарубежной литературы и философии, ярко выраженной индивидуальностью. В полной мере эти черты проявляются и в тех 59 публикациях 1991–2022 гг., которые он включил в свою новую книгу.

Любопытно, что она «задумана около 30 лет назад». Тогда, при пересмотре «мифов, легенд, предрассудков и идеологических клише», «предполагалось, что собрание текущих полемических публикаций на актуализированные темы позволит объяснить, почему прежние подходы к российскому — не только советскому, но и дореволюционному — прошлому должны быть отброшены. Такое наме-

* Булдаков В.П. Историк и XXI век. Статьи, рецензии, выступления, интервью. 1991–2021 гг. М.: Новый Хронограф, 2023. 712 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266, «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны, феномен, значение и региональная специфика».

рение было связано с непосредственным профессиональным интересом» (с. 9).

Статьи, интервью и рецензии, в том числе вышедшие в малотиражных и труднодоступных изданиях, объединены в четыре части, каждой из которых предпослано авторское предисловие. В результате сборник воспринимается как интеллектуальный манифест, излагающий взгляды Булдакова на историческую науку, на судьбы России и мира. Нередко заявления автора характерно полемичны. В частности, он ещё в начале 2009 г. решительно утверждал, что «Россия никогда не имела традиций демократии», поскольку «трудно ожидать успеха демократии в стране, где крепостное право было отменено менее 150 лет назад», а сама «европейская демократия – скорее уникальный, нежели всеобщий феномен» (с. 75). Надо ли понимать это так, что рабство – как античное, так и возрождённое колониальными империями и довольно долго державшееся в США – гораздо лучше соответствует демократическим порядкам?

В первой части под рубрикой «Историк и современность» собраны доклад, рецензия, два интервью, четыре выступления на научных форумах, три реплики, прозвучавшие в дискуссиях с коллегами (с. 17–161). Так, комментируя в 2001 г. доклад А.Н. Аринина «На пути к подлинно федеративному государству – гаранту соблюдения прав и свобод личности», Булдаков обратил внимание на то, что «российский федерализм – это квинт-эссенция кризисного своеобразия нашего утомительно сложного развития. Все наши нелепости – вовсе не случайны. Более того, они несут на себе сложную функциональную историческую нагрузку» (с. 135–136).

Семь лет спустя, после доклада А.И. Неклессы «Мир индиго. Эпо-

ха постмодернизма и новый цивилизационный проект», он рассуждал: «Не паникуем ли мы, оценивая вызовы современности? Из собственного опыта могу сказать, что *всякая* “революция ожиданий” чревата у нас грядущей смутой. Вероятно, мы не столь оригинальны. Можно согласиться с автором, что сегодня во всём мире возникла ситуация вселенской растерянности, но из этого не следует, что мы страшимся будущего по неким универсальным законам» (с. 142). По мнению историка, «всякое современное “стабильное” общество словно забывает своё прошлое. Оно им ни к чему, они живут в комфортном настоящем и не думают о нём. У нас же всё настолько неустойчиво, что из этого состояния мучительно хочется выбраться на социальную твердь. В результате мы барахтаемся в собственных эмоциях – в том числе и применительно к истории» (с. 37).

При этом «главный историографический итог» изучения «революционной повседневности» видится ему в том, что «былая “безальтернативная” история стала историей “случайно” несостоявшихся альтернатив», а «“монопартийная” историография трансформировалась в апологетику “многopартийности”» (с. 17–18). И, судя по авторским наблюдениям, так происходит уже не одно столетие: «Очень соблазнительно представить Петра обычным реформатором, успешно воплотившим в жизнь продуманную систему преобразований. На деле всё было с точностью наоборот: его дела – это серия спонтанных и противоречивых экспериментов. За ними стояло настоящее буйство эмоций, движимое желанием вырвать Россию даже не из “отсталости”, а из “застойной” предопределённости» (с. 108–109). В целом же «скучная проза исторического бытия состоит в том, что в нём нет и не может

быть ни нормы, ни всех устраивающего порядка. Мы, подобно песчинке в водовороте, не можем даже определить, куда и зачем движемся. Человек живёт верой, знание скорее омрачает его существование» (с. 51). Но это не останавливает учёного, анализирующего проблемы территориального обустройства и разреженности населения, веры и сомнений, доходящих до нигилистического глумления, государственности и внутренне противоречивых взаимоотношений власти и населения, насилия и его природы, деморализации российского общества предреволюционной поры, системных кризисов и поисков выхода из них (с. 54–70).

Раздел «История и историки» объединяет 14 очерков, большая часть которых посвящена жизни и творчеству видных историков, с которыми долгие годы работал или дружил Булдаков. Среди них: А.Я. Грунт (с. 220–233), П.Н. Зырянов (с. 234–244), Л.М. Иванов (с. 252–268), П.В. Волобуев (с. 278–299), С.А. Павлюченков (с. 314–329), А.П. Корелин (с. 330–333). Говоря о том, можно ли использовать воспоминания академика Ю.А. Полякова как исторический источник, о чём «забыл» и что умело «подправил» их автор, Булдаков признаёт: «Невольно вступая в скрытый, бесконечный и безрезультатный спор с мемуаристом, как-то забываешь главное. Текст написан блестяще, с необходимой долей юмора» (с. 313).

Всё это ведёт «к переосмыслению сложившихся представлений». Ведь «сегодня мы оказались в ситуации своеобразного напластования различных *мета-* и *микронарративов* — как старых, так и подновлённых... К тому же революцию и современность связывают застарелые “иллюзии прогресса”: вопреки тревожному дрожанию почвы под ногами люди вновь ожи-

дают прорыва в “светлое будущее”» (с. 337). И поскольку «нам постоянно подсовывают не *те* ценности» (с. 217), постольку «“нормальному” историку остаётся одна задача — воевать с мифами прошлого и особенно настоящего. История — это искусство отделения в прошлом подлинных реальностей от всевозможных симулякров» (с. 215).

Третья часть книги («История, литература, искусство») посвящена отражению коллизий революции и Гражданской войны в памятниках отечественной культуры, в частности поэзии 1917–1920 гг. (с. 436–445). Как пишет Булдаков, «в обобщающих работах историков, касающихся любого периода прошлого, культура почему-то оказывалась на последнем месте. Куда важнее казались показатели производства чугуна и стали. Напротив, на Западе исследователи уделяли не только русской, но и советской культуре особое внимание». Впрочем, «советская художественная литература в понимании революции оказалась, за немногими исключениями, бессильна. И дело не только в том, что события Гражданской войны “стёрли” предыдущие события. Если взять такое эпическое произведение, как “Тихий Дон”, то выяснится, что в описании *политических* событий 1917 г. М. Шолохов как-то беспомощно следовал за текстами большевистской историографии» (с. 349–350). Историк констатирует: «Серебряный век (в широком смысле слова) всегда разрывался внутренними противоречиями, а в целом болезненно угасал вместе с судорогами всей эпохи Просвещения» (с. 415). Между тем «с помощью войн и революций XX век, в сущности, похоронил логос и этос эпохи Просвещения. Однако в XXI в. мы всё ещё пытаемся мыслить категориями ушедших веков. А это значит, что мы рискуем

вновь наступить на грабли, коварно притаившиеся в траве забвения» (с. 364).

Завершает книгу рубрика «История. Философия. Социология», демонстрирующая методологический тупик современности: «Нынешняя понятийно размытая российская историография на фоне географической беспредельности и вместе с тем темпоральной уплотнённости своего “непредсказуемого прошлого” смотрится эвристически беспомощной. А потому речь идёт всего лишь о её интеллектуальной свободе и научном достоинстве» (с. 498).

Однако Булдаков убеждён, что эти сложности преодолимы: «Многообразные нелепости переходного времени могут показаться неисчислимыми. Однако по мере их накопления, через коллизии творческого недо-

умения и исследовательских метаний рано или поздно прорежется воля к истине. Так будет, ибо только этим жива История. Мысль исследователя непременно осилит XXI век» (с. 682). Видимо, в этом и заключается кредо замечательного учёного, в течение многих десятилетий с непостижимым упорством прокладывающего дорогу к истине.

Примечание

¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.

Виталий Тихонов

Советская империя наций Франсин Хирш*

Vitaly Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Francine Hirsch's Soviet empire of nations

DOI: 10.31857/S2949124X23050218, EDN: OLFNLNI

Оригинальное (англоязычное) издание книги Ф. Хирш вышло по академическим меркам достаточно давно — в 2005 г.¹ К тому времени западная советология отошла от прямолинейных представлений о советском строе как сугубо репрессивном, приносившем интересы национальностей в жертву классовой идеологии и постоянно проводившем массовые репрессии по этническому принципу.

Новое поколение историков, не отрицая факта репрессий, обратило внимание на несиловые методы управления: культурные технологии и микропрактики управления. Отталкиваясь от известной идеи Б. Андерсона о том, что ключевыми элементами нацистроительства выступают перепись, карта и музей, и дополнив её теорией дискурсивных практик М. Фуко, они принялись изучать роль культуры и науки

* Хирш Фр. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза / Авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00303 «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования».